УДК 94(47).084.8

О. А. Гаврилова

«Пиво же им выдается потому, что в известной степени является продуктом питания»: о производстве и потреблении пива в блокадном Ленинграде [1]

О голоде в блокадном Ленинграде написано немало. В руках исследователей оказались неисчислимые страницы дневниковых и мемуарных свидетельств людей, погибших от голода, ленинградцев, переживших, но так никогда и не забывших трагедии голодной смерти, скудного блокадного продуктового ассортимента, так называемых пищевых заменителей и, конечно, непреходящего желания утолить потребность в пище. Ставший ключевым в историографии обороны Ленинграда вопрос продовольственного обеспечения и сегодня остается во многом terra incognita для ученых[2]. Отдельные направления продовольственной политики руководства осажденного города, такие как введение карточной системы, поэтапное ужесточение норм распределения продуктов питания, функционирование торговой сети и другие проблемы снабжения, нашли отражение как в документальных публикациях[3], так и в исследовательских работах[4]. При этом проблемы функционирования предприятий пищевой промышленности абсолютно не изучены. В то же время нет ни одного блокадного дневника или воспоминания о тех суровых днях, в которых не звучало бы набатом слово «еда». Постоянным занятием многих блокадников стало говорить и предаваться мечтаниям о пище, что было для многих мучительным и раздражающим фактором блокадного существования. Возможно, для некоторых людей попыткой избавиться от изнуряющих мыслей о еде становилось

отражение их в дневниках. Такие полностью пищевые дневники не редкость для блокадного города[5]. Собственноручные записи уверяли человека, что он всё же принимал пищу, затрачивал усилия для ее получения, что «мир не без добрых людей» и в осажденном городе не исчезли выручка, взаимопомощь, жертвенность. Женщина-икона блокадного Ленинграда — О. Ф. Берггольц в тайном дневнике, анализируя потребность фиксировать изнуряющую повседневность, отмечала: «Видимо, это помогает не думать о главном»[6]. Спустя несколько дней она вновь повторила эту мысль: «Эти записи — защита организма от необходимости вслушиваться, ждать удара и т.д.»[7]. Сохранившиеся свидетельства дают нам возможность представить ассортимент продуктов, доступных тем или иным слоям населения города, узнать блокадные меню и рецептуру блюд[8]. Хорошо известно также, что продукты питания использовались в осажденном Ленинграде как своеобразная валюта — на хлеб можно было обменять что угодно, применялись для этих целей и табак, и алкоголь.

Данная статья посвящена изучению вопроса производства и распределения пива в Ленинграде в годы блокады. Пиво, представляя собой слабоалкогольный напиток, тем не менее отличается высоким содержанием антиоксидантов, витаминов и микроэлементов, что делает его ценным продуктом питания в условиях голода. Эта амбивалентность продукта определяла непоследовательную политику властей в отношении его бытования в осажденном городе.

Введение сухого закона на время мобилизации или даже на весь период участия государства в военном конфликте — обычная для XX в. мировая практика. В годы Первой мировой войны царское правительство, объявив о запрете на продажу спиртного в начале войны, в августе 1914 г. сочло необходимым «существующее воспрещение продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в империи продлить впредь до окончания военного времени»[9]. Однако пиво и слабой крепости виноградные вина практически сразу были возвращены в свободную продажу, более того, особым распоряжением торговля спиртным допускалась в районах боевых действий[10]. Для Великой Отечественной войны эта практика получила название «боевой алкоголизации» и активно применялась на фронте. Однако в тылу в первые месяцы войны руководство страны проводило политику фактического прекращения продажи спиртных напитков, не запрещая ее формально[11]. При этом местные власти поторопились принять решение, приостанавливающее торговлю рядом алкогольных напитков. В Ленинграде на совещании у А. А. Кузнецова 23 июня 1941 г. среди обсуждаемых мероприятий, которые должны были быть проведены в связи с началом войны, вопрос о прекращении снабжения населения этим видом продовольственных товаров был поднят непосредственно вторым секретарем Ленинградского горкома ВКП(б). Однако партийного указания

не потребовалось — запрет на продажу алкоголя уже провели в жизнь. Заместитель председателя Ленсовета, заведующий отделом торговли И. А. Андреенко сообщил: «Водку и водочные изделия закрыли, оставили пиво и виноградные изделия»[12]. Время продажи регулировалось в соответствии с решением исполкома Ленгорсовета от 26 июня 1941 г., согласно которому торговля кондитерскими изделиями, вином и пивом осуществлялась с 10 до 23 часов. Летняя торговая сеть по торговле пивом начинала работу с 7 утра[13]. Запрет соблюдался поначалу плохо. Так, в ходе проверки 25 июня 1941 г. в магазине № 10 Выборгского райпищеторга (далее — РПТ) была зафиксирована продолжающаяся торговля запрещенными товарами: «В продаже были следующие водочные изделия: спотыкач, апельсиновая, абрикосовая, яблочная настойки и наливки. Кроме того, в витринах магазина и на прилавках находились не снятые: водка, ликеры и коньяки»[14]. Управление торгами по торговле продовольственными товарами вынуждено было напоминать об изданном ранее распоряжении, угрожать проверками и наложением административных взысканий на директоров магазинов.

16 июля 1941 г. в соответствии с постановлением правительства бюро Ленинградского горкома ВКП(б) приняло решение о введении с 18 июля в Ленинграде продажи по карточкам «некоторых продовольственных и промышленных товаров»[15]. Были отпечатаны карточки на хлеб, мясо и мясопродукты и единая — на масло животное и растительное, рыбу, крупу и макаронные изделия в соответствии с нормами для разных контингентов населения. Алкогольные напитки не были включены в список нормированных товаров, пиво оставалось доступным населению. Тем же решением исполкому Ленинградского городского совета поручалось установить количество магазинов для торговли продовольственными товарами без карточек по повышенным ценам[16].

По мере усугубления проблем со снабжением и катастрофическим ухудшением обстановки на фронте, угрожающей полной блокадой коммуникаций, руководство города 23 августа 1941 г. решением бюро обкома и горкома ВКП(б) выпускает постановление «О дальнейшем укреплении революционного порядка в г. Ленинграде и пригородах»[17]. Среди прочих мероприятий с 24 августа «в целях предотвращения возможного использования темных ночей контрреволюционерами и уголовно-бандитскими элементами» запрещалось пребывание граждан на улицах города Ленинграда, городов Красногвардейска, Слуцка, Пушкина, Колпино, Петергофа, Ораниенбаума и населенных пунктов Ораниенбаумского, Красногвардейского, Слуцкого, Красносельского и Тосненского районов без установленных пропусков с 22 часов до 5 часов. В тех же целях ограничивалась продажа спиртных напитков и пива во всей торговой сети, ресторанах и кафе. Она могла осуществляться только до 20 часов.

Пиво и вино в начале осени 1941 г. продавались в различных частях города, но уже становились объектом нездорового ажиотажа. Продажа пива зафиксирована в дневниках ленинградцев. Так, С. Л. Бурьянов в своих ежедневных

записях методично сообщал о количестве потребленного им ячменного напитка[18]. Семен Лукич — инженер, в прошлом заведующий холодильной станцией пивоваренного завода «Вена» и большой любитель пива, что, как фиксируют материалы партийного дела, привело к крушению его карьеры, в начале блокады фактически оказался без работы[19]. В поисках места службы он ездил по городу и мог себе позволить часами стоять в очередях. Сокрушаясь о потерянном в ожидании времени, он 17 сентября выпил пять кружек на ул. Пестеля, а 19 сентября его добыча оказалась более существенной. Отправившись с бидоном на поиски пива, он «зашел на Лиговку, в американку» и не успел набрать «8+1, как в это время тревога, которая длилась 1 час 30 мин.»[20]. Пережидая бомбежку в пивной, он сумел выпить еще две кружки. 21 сентября поиски пива не увенчались успехом. Спустя три дня Бурьянов записал: «Жалко, что на улице очереди приходится бросать, это особенно обидно бывает, когда люди стояли у самой цели, и еще обиднее, когда застает тревога у пивных ларьков. Чтобы получить пива, нужно простоять несколько часов. Хлеб гораздо легче достать, нежели пиво. О сладких или других винах и говорить не приходится, если в пивнушках и бывает, то, чтобы получить, нужно затратить не меньше времени или дать взятку»[21].

В эти дни руководство города было вынуждено пересматривать продовольственную политику. На суженном заседании исполкома Ленсовета 26 сентября 1941 г. принимается решение «О торговле виноградными винами». Согласно подписанному П. С. Попковым документу, торговлю вином в магазинах, столовых, ресторанах, кафе и других торговых предприятиях предписывалось прекратить, а указанный продукт использовать для лазаретов и больниц[22]. Полезные и питательные свойства вин осознавались населением, и этот продукт быстро превратился в один из видов блокадной валюты. В январе 1942 г., став обладательницей бутылки портвейна, О. Ф. Берггольц записала в дневнике, обращаясь к себе: «А вечером ты будешь пить вино, оно высококалорийно, оно тебя поддержит, нет, нет, не сочиняй, всё в порядке, ты не умрешь!»[23]

Однако в тот сентябрьский день, когда на места было спущено распоряжение отдела торговли о прекращении продажи вина, были запрещены и «прочие алкогольные напитки, за исключением пива» и объявлено проведение переписи остатков всех видов соответствующей продукции[24]. Пиво в сентябре продавалось в магазинах, общепите и в бане. По свидетельству М. Н. Власова, в 1938–1943 гг. директора пивоваренного завода «Красная Бавария», в первые месяцы войны «пиво отпускалось помногу сразу. И у меня на заводе собиралось машин до 60–70 штук»[25]. 26 сентября Бурьянов записал в дневнике: «Сегодня ходил в баню. <...> Достал 10 кружек. Думал сегодня еще попить, т[ак] к[ак] есть предвестники, что скоро его не будет»[26]. В поисках любимого напитка он обошел все известные пивные, которые в эти дни продолжали торговать пивом без ограничения. 30 сентября ему удалось утолить голод в заведении на Разъезжей: «Заняв столик, я сразу же получил от Филиппа Ивановича, зна-

комого официанта, пару кружек пива. В течение 1 часа я получил 6 шт., т.е. столько, сколько у меня было денег всего 10 руб. Это редкий случай, в настоящее время, получения так быстро такого количества пива!» Спустя несколько дней он отметил в дневнике свою маленькую радость: «Занял очередь на пиво. Объявили военную тревогу, почти все разошлись. В это время открыли пивную, и мне удалось зайти почти первым. На месте перелил в свою посуду 8 шт. и 8 взял с собой»[27]. В продолжение этой записи Бурьянов упомянул, что принесенное домой пиво он выпил вместе со своим малолетним сыном Юронькой, осознавая, таким образом, пищевую ценность напитка, казалось бы, совсем неподходящего для угощения пятилетнего ребенка: «Конечно, он выпил 2–3 стаканчика»[28]. Спустя два месяца, когда пиво уже будут получать по карточкам, ленинградский подросток, впервые отведавший этот напиток, с горечью отметил сей факт в своем дневнике: «Мне понравилось. Право, будь это в былые времена, я стал бы добросовестным алкоголиком»[29].

В октябре, если учитывать молчание на этот счет Бурьянова, пиво постепенно исчезло из магазинов. Большие очереди образовывались у пивных ларьков, действующих при пивоваренных заводах. Секретарь партийной организации завода «Вена» С. М. Аксельрод сообщала, что в начале октября при бомбежке города снаряд упал около завода, и пострадали люди, стоявшие в очереди за пивом: «Этих раненых пришлось таскать к нам на завод, делать им перевязки, отправлять в больницу. Человек 25 тогда было ранено. Среди них были и дети»[30]. Действительно, дети и подростки вынуждены были часами простаивать в очередях, помогая родителям выкупить продукты. Дневник Юры Рябинкина пестрит подобными сообщениями: «22 октября. Все утро проторчал в очередях за пивом. С трудом пополам достал 2 бутылки, отморозил ноги... Меня опять в очередь за пивом посылают. 23 октября. Достал еще 2 бутылки пива. 24 октября. Весь день с 10 утра до 6 вечера вместо дежурства в школе провел в очереди за пивом... и все-таки пива не достал»[31].

21 октября 1941 г. вышло распоряжение «О продаже пива в торговой сети гор. Ленинграда» за подписью заместителя заведующего Отделом торговли Кордовского. Согласно этому циркуляру и в соответствии с решением исполкома Ленгорсовета от 13 октября, продажу пива разрешалось производить только на вынос[32]. Ужесточение правил продажи и трудности с продуктами питания способствовали различным нарушениям и спекуляции. В приказе по Управлению продторгами от 31 октября 1941 г. нашли отражение результаты произведенной за несколько дней до этого Контрольно-инспекторским сектором отдела торговли Ленгорсовета проверки базы закрытых учреждений Смольнинского РПТ. При осмотре помещений базы были обнаружены пустая посуда из-под пива и порожние бутылки из-под водки, наличие которых директор базы объяснил «необходимостью “выпить” из-за низкой температуры»[33]. В Отдел торговли стали поступать жалобы от населения на невыпуск в продажу имеющихся продуктов питания. Явление, по-видимому, носило массовый характер,

что находит отражение в материалах различных обследований, проводившихся с целью выявления нарушений правил советской торговли. Подобный рейд был совершен в конце октября в магазин сети Минводторга по жалобе о продаже пива с черного хода. Перед магазином стояла большая очередь, но он был закрыт, а на дверях висело объявление с надписью «Пива и лимонада в продаже нет». В ходе проверки в подсобных помещениях было обнаружено 110 бутылок пива, и заведующий торговой организацией по распоряжению директора торга отпускал пиво оптом[34]. Обращает внимание мягкость наказания — зав. магазина был уволен, а директору Минводторга указали на недопустимость оптового отпуска товаров из розничных предприятий.

По мере ухудшения продовольственной ситуации руководство города вынуждено было пересматривать и корректировать принципы торговли, введенные в первые месяцы войны. Как сообщал П. Г. Лазутин на Пленуме Ленинградского городского комитета ВКП(б) в апреле 1944 г.: «В самое тяжелое время (декабрь 1941 г. — январь 1942 г.) был установлен порядок, при котором отпуск продовольственных товаров производился по мере поступления их, с объявлением норм выдачи не месячных и не декадных, а таких, которые позволяли отоварить объявленную норму выдачи всему населению»[35]. Тогда же пиво попадает в разряд нормируемых продуктов. Распоряжением Отдела торговли с 24 ноября 1941 г. устанавливались правила и нормы продажи пива: «...на вынос по разовым талонам продовольственных карточек: рабочим и ИТР по 2 литра, служащим и иждивенцам по 1,5 литра по разовому талону № 9»[36]. Управление продторгами, директора пивных заводов и директора торговых организаций обязывались обеспечить завоз пива в торговую сеть и бесперебойную торговлю им. В сводной таблице «Разовые фактические выдачи продтоваров гражданскому населению г. Ленинграда за период с 18/VII-1941 г. по 1/XI-1942 г.» первая выдача пива датирована октябрем[37]. Однако в дневниках ленинградцев соответствующие сведения появляются лишь в последние дни ноября — начале декабря 1941 г. Так, 27 ноября семья Ф. А. Грязнова имела на ужин по два стакана пива, полученного по карточкам[38]. С. Л. Бурьянов потерпел неудачу с приобретением пива 29 ноября, когда, по его словам, магазин закрылся и отпускал пиво «своим» целыми ведрами. На следующий день он всё же пиво получил: «Сволочь продавец хотел меня надуть, но я его на 4 кружки обсчитал, вернее, взял лишние. Штабные брали ведрами. Не знаю, как он отчитывается, но остается тот факт, что ворует крепко и на глазах у всех. Этому потворствуют штаб в целом и в особенности комиссар»[39]. А. И. Августынюк записал 2 декабря: «По талону № 9 выдают пиво. За него везде адская драка»[40]. В тот же день школьник В. Николаев описал в дневнике драматические обстоятельства похода за пивом: «Утром вставши, поевши, отправились все вместе доставать пиво для отца. За ноябрь месяц полагалось получить на наши карточки 6 кружек пива. Да еще тети Маши и бабушкины 6,5 кружек. На Васильевском о[стро]ве нигде не было пива, только на Андреевском

рынке работал ларек (был сильный мороз), и большущая очередь около него (человек 75). Встать в очередь — это значит простоять до вечера, да еще могло не хватить (была одна бочка пива), тогда отец попробовал без очереди получить, да где там, бабье как накинулось на него и ничего не вышло. <...> Нашли кое-как на Б. Зелениной ларек, который торговал. Очередь стояла человек сто с лишним. Отец к ларьку, не тут-то было: не пускают. Отец целый час стоял, просил, умолял. Наконец разозлился, стал рвать карточки, тогда народ смилостивился и пропустили»[41].

Продовольственные карточки на ноябрь 1941 г. с талоном № 9 (на приобретение пива)[42]

Производством пива в Ленинграде к 1941 г. занимались три пивоваренных завода: «Красная Бавария» (директор Власов), «Вена» (директор Пшеничников) и завод им. Степана Разина (директор Сосулин). «Красная Бавария» — одно из крупнейших на тот момент предприятий Советского Союза этого профиля. Производственная программа завода по пищевой группе в мирное время определялась по пиву 700 тыс. гл в год, выпускались также безалкогольные напитки[43]. Однако с началом войны большинство предприятий пищевой промышленности города начали выпускать боеприпасы, а проблемы со снабжением сырьем привели к сокращению выработки основного вида продукции. Пивзаводы не стали исключением. «Красная Бавария» занялась производством зажигательных авиабомб, 37-мм бронеснарядов для танковых пушек, 76-мм снарядов «СЧ», 82-мм мин, военных повозок «тавричанок» и др. Выполнял оборонные работы и завод им. Степана Разина[44]. Оборудование этого завода также использовалось для сохранения различного продуктового сырья. В октябре 1941 г. решением суженного заседания исполкома Ленсовета директор предприятия Сосулин обязывался «организовать просушку на овинных сушилах завода 200 тонн соебобов с повышенной влажностью»[45]. И в 1942 г. предприятие выполняло подобные работы: занимались сушкой сухофруктов и солодов, лука и табака (а точнее, было высушено 49 979 кг древесного листа для фабрики им. Урицкого), в бродильном цехе в специальных деревянных чанах солили капусту[46].

Пищевой профиль предприятий способствовал внедрению производства пищевых заменителей. Так, в декабре 1941 г. на Бюро Приморского райкома ВКП(б) рассматривался вопрос об изготовлении пищевых дрожжей на заводе «Красная Бавария»[47]. Там же был создан цех пищевых концентратов (концен-

траты каш и т.д.). Солодовня была переоборудована для производства сухарей для армии. Только за период июль–сентябрь 1941 г., по словам директора завода, было выпущено около 600 т сухарей[48]. Среди предприятий, изготавливавших пищевую целлюлозу, оказался завод им. Степана Разина. В декабре 1941 г. он должен был произвести 1050 т этого вещества[49].

Еще одним новым видом продукции для пивзаводов становится так называемый витаминный напиток. В отчете заводского профсоюзного комитета завода им. Степана Разина за 1942 г. говорится, что предприятие начало выпуск витаминизированного хвойного напитка еще в декабре 1941 г. Первоначально «узким местом была заготовка хвои, но при организации соцсоревнования и вновь введенной сдельщины увеличили выход» готовой продукции до 500 кг в день[50]. На заводе «Вена» это производство было освоено по инициативе директора Пшеничникова: «В самый тяжелый февраль месяц 1942 г. при отсутствии электрической энергии и воды <...> был выпущен хвойный витамин “С” <...> Воду носили сами. Зав. безалкогольным производством т. Шифрин проделал большую работу в деле освоения этого производства»[51].

В сентябре Военный совет принял меры по сокращению расхода продуктов питания, для чего был произведен переучет всех имеющихся продуктовых ресурсов. Уполномоченный ГКО по обеспечению продовольствием г. Ленинграда и Ленинградского фронта Д. В. Павлов подчеркивал, что в сентябре производство пива было прекращено и в связи с этим весь солод в количестве 8 тыс. т, хранившийся на пивоваренных заводах, перевезли на мельницы, размололи и использовали как примесь к хлебу[52]. Косвенно эту информацию, характеризуя деятельность предприятия, подтверждает директор завода «Красная Бавария». Власов обращает внимание на то, что пиво, сваренное в июле и августе 1941 г., завод хранил до сентября 1942 г.[53] Такая же ситуация была на заводе «Вена». По сообщению Аксельрод, в тяжелые зимние месяцы пива на предприятии уже не варили, но оно сохранялось в стендерах[54]: «Это пиво раздавали рабочим по поллитра, и пива этого хватило нам до сентября 1942 г.»[55].

Тем не менее вызывают справедливое недоумение производственные планы, оформленные постановлениями бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 2 декабря 1941 и 9 января 1942 г. Так, утвержденный план выпуска пива в декабре составил 43 500 гл, в том числе: пивоваренный завод «Красная Бавария» — 20 тыс. гл, завод им. Степана Разина — 12 тыс. гл, завод «Вена» — 11,5 тыс. гл[56]. Январский план предполагал выпустить 17,5 тыс. гл, в том числе: 10 тыс. гл, 4 тыс. гл и 3,5 тыс. гл соответственно[57]. По-видимому, под «выпуском» подразумевался розлив пива, а не его производство. В любом случае, отчетных данных о выработке основного вида продукции пивоваренных заводов на сегодняшний день не обнаружено.

Так или иначе, но пиво имелось на заводах и было использовано для поддержания голодающего населения. В декабре оно также было предназначено к выдаче по карточкам в том же размере: рабочие, ИТР — 2 л; служащие,

иждивенцы — 1,5 л[58]. Осуществлялись и дополнительные выдачи для отдельных контингентов, которые производились на особых основаниях. Так, секретным указанием директора Ленглавресторана Фельдмана от 20 декабря 1941 г. руководителям трестов столовых сначала предлагалось «прекратить отпуск в столовых пива, вина, за исключением фруктовых вод, личному составу истребительных батальонов»[59]. Правда, затем предписание было скорректировано. В циркуляре от 13 января 1942 г. говорилось: «Мое распоряжение от 20 декабря 1941 г. за № 634/с отменяю. Разрешаю производить отпуск вина и пива для истребительных батальонов только по отношениям командования полка, а не его подразделений, за исключением отпуска вина для лазаретов в пределах установленных норм»[60].

Спасались пивом и отходами его производства и рабочие предприятий пивоваренной промышленности г. Ленинграда. Именно на родной завод «Вена» пришел искать работу С. Л. Бурьянов в октябре 1941 г., справедливо полагая, что был бы там сыт, но его постигла неудача: «Завод доживает свои последние дни. Навязываться я не стал. Нет — значит не надо. Пшеничников принял формально. Вспотел от пива, безобразно выглядит. Конечно, если бы хотел, то принял бы и дал возможность восстановиться в рядах ВКП(б). Но теперь, видно, на “Вену” рассчитывать не придется. Выходя из завода, тяжело вздохнул на окружающие корпуса, которые созданы были при непосредственном моем участии»[61]. Действительно, пиво на заводах рабочим выдавали, но были определены нормы и вынос его с территории запрещался. Тогда же на «Красной Баварии», по согласованию с городскими партийными организациями, было решено для поддержания рабочих выдавать по одной бутылке пива за счет предприятия[62]. Председатель парткома «Вены» Аксельрод свидетельствовала, что разливной цех не останавливал своей работы в самые тяжелые месяцы, помогая рабочим справляться с голодом, но в 1942 г., когда обстановка с продовольствием несколько стабилизировалась, выдача пива прекратилась, и его отправляли на фронт. Смертность на предприятии вследствие такой поддержки оказалась невысокой: «У нас на заводе большой смертности не было, умерло человек 100. Умирали больше те, у которых были какие-нибудь болезни, как туберкулез, сердечники, умирали те, кто много пил. В основном народ как-то держался»[63]. Помимо этого, руководители предприятий проявили находчивость для улучшения снабжения подчиненных и с целью выполнения поставленных производственных задач, связанных не только с пищевым производством, но с работой на оборону. Так, Власов вспоминал: «Были разобраны все деревянные полы, в хранилищах зерна и в междуполье было собрано до 1–1 ½ тонн зерна. Это зерно было передано в заводскую столовую. Из него для лучших людей завода — ИТР и стахановцев, приготовлялось дополнительное второе блюдо — ячменная каша»[64]. Заботились и о лошадях, оставшихся на заводе и тщательно оберегаемых. Для обеспечения их корма была организована добыча дробины из реки Ждановки. Дробина — это отходы пивоварения, смываемые в реку и об-

разовавшие там наносные пласты, которые рабочие вылавливали и перерабатывали. Ее также использовали в пищу — перемалывали и делали из нее лепешки.

На «Вене» также поднимали полы, собирая забившееся во все щели зерно. Использовали в пищу производственное сырье — оставшийся солод и отходы от замачивания ячменя, которыми ранее кормили скот. Основную спасительную роль сыграла рожь, доставленная, по словам Аксельрод, на завод в декабре 1941 г. для просушки. Смущаясь, она сообщала интервьюерам: «Может быть, и не совсем законно, но эту рожь мы ели»[65]. При этом даже внутри предприятия не все имели доступ к дополнительному питанию или, что не редкость, воровство претило. Председатель парткома подчеркивала, что «умирали в основном те люди, которые стеснялись просить, стеснялись брать сами, боялись таскать эту рожь. Вернее, можно сказать, что умирали исключительно честные, хорошие люди»[66]. Зачастую всё же чувство самосохранения брало верх: «Я тоже очень стеснялась брать. Меня теперь упрекают, что я допустила до того, что у меня умер брат и зять от голода, но что же я могла сделать! Не могла же я брать больше, чем следовало! Я и так спасла от голода мою сестру с ребенком»[67]. Обеспокоенность кражами ржи на заводе высказывал директор на собраниях партийного бюро в связи с рассмотрением дела старого коммуниста А. В. Курнукина, который в феврале 1942 г. был задержан в городе милицией, имея при себе пакет ржи весом 5–6 кг. Обстоятельства дела — партийный стаж, безупречная репутация, отсутствие взысканий, исполнительность и, главное, предназначение украденного продукта для голодающих детей военнослужащего, позволили ограничиться строгим выговором и сохранить членство в партии[68]. Безусловно, воровство продуктов на пищевых предприятиях существовало и далеко не всегда было обусловлено попыткой спасти себя, свою семью или детей ближнего. Даже в апреле 1943 г. на партсобрании «Красной Баварии» высказывалась обеспокоенность тем, что «завод нездоров по отношению воровства пищевых продуктов и самое плохое, что охрана сама способствует этому»[69].

Несмотря на дополнительное питание, рабочие пищевых предприятий также умирали от голода. Директор «Красной Баварии» Власов вспоминал, что, помогая рабочим справиться с этой бедой в ноябре–декабре 1941 г., к январю он был вынужден прекратить выдачи пива, которое официально превратилось в неприкосновенный запас. Кадровые потери, погодные условия первой блокадной зимы, прекращение подачи электроэнергии и бездействующий водопровод очевидно должны были означать невозможность производства пива. Однако розлив напитка, по-видимому, осуществлялся и в это тяжелое время. Кроме того, была произведена консервация имеющегося пива. Директор завода сообщал, что для сохранения продукта необходимо было создать определенные температурные условия — +1–2 С°, поэтому и в «голодную зиму мы занимались заготовкой снега»[70]. Люки в пивном хранилище зимой 1941–1942 гг. закрывали снегом, который свозили со всей территории Петровского острова. Несмотря на то что Власов позднее говорил о том, что завод не прекращал своей

деятельности первой блокадной зимой, отчет о работе партбюро за первое полугодие 1942 г. отмечает практически полный простой в январе, феврале и марте из-за отсутствия электроэнергии[71]. Здесь же упоминается, что «часть рабочих пищевых цехов была занята розливом напитков вручную, как бочкового, а также бутылочного пива, организованного в лагерном подвале»[72]. Одновременно было законсервировано оборудование целого ряда цехов основного производства — варочного, бродильного, лагерного подвала, бочечного и бутылочного розлива, кочегарки завода, бочкосмолки и др. Тем не менее и на пивных заводах трудовые коллективы были нацелены прежде всего на выполнение оборонных работ. «Красная Бавария», сумев организовать три блок-станции, с апреля возобновила деятельность механических цехов и весной–летом 1942 г. выпускала различные виды боеприпасов и осуществляла сборку тавричанок. Тогда же было получено задание по розливу пива в количестве 9 тыс. гл[73]. План предыдущего месяца марта составлял 10 тыс. гл[74].

Руководство города постановило обеспечить выдачу пива по карточкам к 1 мая и организовать в летний период производство прохладительных безалкогольных напитков. Для сокращения потребности в автотранспорте производство напитков следовало приблизить к торговой сети. Городские районы были распределены между заводами им. Степана Разина, «Вена», «Красная Бавария», а также Заводом фруктовых вод, Московским пищевым комбинатом и Управлением продторгами[75]. Между тем, большинство предприятий только возобновляло свою деятельность. И «Вена», и завод им. Степана Разина в течение первых трех-четырех месяцев 1942 г. находились в состоянии консервации и основных видов продукции не выпускали[76]. В связи с поставленными задачами предстояло преодолеть массу трудностей и в первую очередь — падение трудовой дисциплины, необеспеченность водоснабжением, отсутствие в достаточном количестве тары и проблемы транспортировки в торговую сеть. Обсуждение путей решения этих проблем проходило в том числе и на партийных собраниях. Так, главный инженер завода «Красная Бавария» Берх, выступая на собрании 21 мая 1942 г., подчеркнул роль выполнения плана по пищевой продукции как имеющего оборонное значение[77]. Вместе с тем он указывал, что «если мы посмотрим на минеральный розлив, квасоварку — работа идет отвратительно, дисциплина плохая, работницы потеряли производственные навыки»[78]. Для повышения трудовых показателей признавалось необходимым внедрение бригадного соцсоревнования в производство, участие профсоюзной и партийной организации в его организации. Затрагивался и вопрос злоупотребления пивом на рабочем месте и неравномерности его распределения. И всё же производственные задания необходимо было выполнять, как того требовали предписания горкома ВКП(б).

Согласно таблице разовых фактических выдач продтоваров гражданскому населению г. Ленинграда, в апреле 1942 г. были установлены следующие нормы выдачи по пиву: рабочие и ИТР — 1,5 л, служащие — 1,5 л, иждивен-

цы — 0,5 л[79]. Блокадница Зеленская записала в дневнике: «Прошли праздники, номинальные, правда, т[ак] к[ак] 1 и 2 мая были объявлены рабочими днями. Тем не менее мы все ощущали эти дни как праздничные, как это ни странно... Была водка и пиво. Люди подвыпили, но все как-то в одиночку»[80]. Власов отмечал, что к маю 1942 г. населению было выдано из запасов завода 18 000 гл ячменного напитка. При этом основной проблемой стала подготовка посуды для розлива из-за недействующего водопровода: «Пришлось в районе старой солодовни, прямо на улице организовать механизированный цех мойки посуды. Воду подавали из Ждановки, хлорировали ее, а потом пускали через бойлер»[81]. Летом пиво отпускалось по специальным нарядам для госпиталей и закрытых баз[82]. Руководители завода попробовали использовать продукцию предприятия для решения насущных задач, что стоило директору предприятия и секретарю партбюро партийных взысканий. В упомянутом выше отчете парторганизации, отмечая недостатки партийного контроля над хозяйственной деятельностью, говорилось: «Хозяйственное руководство завода в борьбе за выполнение плана по механическим цехам завода встало на путь разбазаривания пищевых продуктов — пива. Смонтировав и пустив в эксплуатацию свою блок-станцию и не имея фондов на горючее, встало на путь обмена его на пиво воинским организациям и тем самым нарушило государственные интересы»[83].

Из стенограммы сообщения директора завода «Красная Бавария» М. Н. Власова известно, что к осени 1942 г. встал вопрос о возобновлении пивоварения. Сетуя на отсутствие указаний от вышестоящих хозяйственных организации ввиду оторванности от Москвы, Власов вспоминал, что вместе с главным инженером отправился в сентябре 1942 г. на прием к Лазутину для обсуждения этого вопроса. Указав на то, что пиво содержит достаточное количество витаминов, необходимых для истощенного организма и предупреждения цинги, первые лица предприятия рассчитывали на согласие руководства города и помощь в обеспечении сырьем и топливом. Первый производственный план пивоварения составил 5 тыс. гл в месяц, и в октябре–ноябре было сварено свежее пиво[84]. Процесс выработки пива нашел отражение в сохранившемся бухгалтерском отчете предприятия за 1942 г. За IV квартал было произведено бочечного пива — 4521,9 гл, бутылочного — 165,6 гл[85]. Более того, ассортимент продукции для блокадного времени оказался достаточно широким: жигулевское бочечное (значительно преобладало), русское бочечное, московское бочечное, жигулевское бутылочное, русское бутылочное, московское бутылочное. В январе 1943 г. объем производства вырос вдвое, и было сварено 10 тыс. гл, после чего процесс пивоварения уже не прекращался. Поставки ячменя, по свидетельству Власова, стали регулярными, но зерно было некачественное — «тощее, засоренное». Дал он и характеристику процесса обработки сырья в тот сложный период: «Производство пива требует известной температуры. Для создания этой температуры уменьшили площадь в производственном помещении, натопили, и температура

поднялась до 15–20 градусов. Потопили день. Со стенок потекло. Создали сухую обстановку и приступили к работе. Замочили рощу, но к утру она замерзла, и ничего не росло. Тут мы стали греть воду и кипятком рощу поливать. Стали топить круглые сутки. Таким образом, мы сняли первые три рощи, а затем уже стало греться самовозгоранием. Пол стал теплый. Предупредили все сквозняки и дело пошло. Начался процесс солодоращения и пивоварения»[86]. А уже в марте в Отдел торговли Ленгорисполкома на имя Андреенко от завода «Красная Бавария» поступило прошение: «В связи с получением заводом звания победителя во Всесоюзном Социалистическом соревновании, присуждением первой премии и переходящего Красного Знамени НКПП и ВЦСПС за работу завода в феврале, заводоуправление и общественные организации просят об отпуске продуктов и водочных изделий на вечер вручения знамени для стахановцев и руководящих работников завода на 40–50 человек, а также разрешить заводу израсходовать один гектолитр пива для этой же цели»[87]. В несоответствующих времени излишествах отказали, но зато удостоили правительственных наград[88].

Возобновление производства пива позволило вновь ввести нормированное снабжение гражданского населения города этим продуктом. Такие выдачи зачастую были приурочены к праздникам — Новому году, дню РККА, 1 мая, 7 ноября. Так, И. В. Назимов 2 января 1943 г. зафиксировал в дневнике новогоднее меню: «Закуски состояли из селедки, кетовой икры, шпика, соленой капусты и огурцов и капустных пирожков. Выпивкой служило полученное по литру пиво и достали немного водки»[89]. Однако своевременная выдача ячменного напитка могла быть сорвана. Государственная торговая инспекция (ГТИ) по г. Ленинграду 30 декабря 1942 г. проводила проверку отоваривания норм выдачи продуктов согласно опубликованных приказов Отдела торговли по РПТ Володарского, Свердловского, Московского, Фрунзенского, Ленинского, Смольнинского и Дзержинского районов и выявила ряд нарушений в связи с пивом. Продукт не был доступен во всех магазинах, причиной чего стал острый дефицит тары. Завод отпускал напиток РПТ только против тары, при этом при розливе напор из котлов был очень слабым, из-за чего выдача производилась крайне медленно. При поступлении напитка в торговые организации директора обнаруживали недолив в бочках от 8 до 10 л. Кроме того, транспортные задержки также мешали выполнению плана. Однако ключевой проблемой оставалась тара, отсутствие ее, по словам уполномоченного ГТИ Мороза, срывало работу завода в ночь на 31 декабря 1943 г. и ставило под угрозу отоваривание опубликованных норм отпуска по пиву[90].

В записках А. Н. Болдырева нашла отражение первомайская выдача: «24 апреля. Дома стоит неистовый переворот пасхальных приготовлений <...> Отец Пищи[91] опубликовал сегодня огромный — невиданный — список дополнительной выдачи майской из 13 названий, включая водку, пиво и вино»[92]. До этого ячменный напиток объемом 2 л был получен автором «Осадной записи» 21 марта, что позволило тогда «весь день прикладываться к жбанчику с пивом»[93].

Пиво выдавалось не только по карточкам. Распоряжением отдела торговли исполкома Ленгорсовета от 26 апреля 1943 г. были объявлены дополнительные выдачи продовольствия контингентам, состоящим на котловом довольствии в предприятиях общественного питания и базах закрытых учреждений. Согласно документу, «отпуск пива, вина виноградного и водки 40 производить на руки в предприятиях общественного питания и базах закрытых учреждений»[94]. Нормы были указаны в приложении к распоряжению (см. табл.).

Дополнительные выдачи продовольствия в апреле 1943 г. контингентам, состоящим на котловом довольствии в предприятиях общественного питания и БЗУ (извлечения)[95]

Наименование контингентов	Водка 40°, л	Вино виноградное, л	Пиво, л
Котловики К-1	–	–	–
Котловики К-2	–	–	–
Котловики К-3	–	–	–
Учащиеся ремесленных училищ	–	0,25	1,5
Преподаватели и обслуживающий персонал ремесленных училищ РУ	0,5	0,25	1,5
Водолазы	0,5	0,25	1,5
В-М школа	0,5	0,25	1,5
Горьковская автоколонна	0,5	0,25	1,5
Бескарточный контингент:			
Больница Горсобеса	0,5	0,25	1,5
Дома инвалидов	0,5	0,25	1,5
Инвалиды ВОВ	0,5	0,25	1,5
Инвалиды дети	–	–	–
Детприемник НКВД	–	–	–
Школьные детдома	–	–	–
Дошкольные детдома	–	–	–
Дома ребенка	–	–	–
ВТ. КБФ, военные транспорта	0,5	0,25	1,5
Восстрансторгпит	0,5	0,25	1,5
Рабочие Ленэнерго и Главснабугля	0,5	0,25	1,5
Управление перевозок	0,5	0,25	1,5

В этой связи любопытно обращение в Отдел торговли с жалобой на «неправильное» распределение алкогольных напитков матери ученицы ремесленного училища. Письмо-треугольник отправлено 17 сентября 1943 г. и адресовано заместителю заведующего отделом торговли Кордовскому. Суть претензии состояла в том, что ремесленникам не выдавали водки, которую жалобщица по старинке или с умыслом называет «вином»: «Они в смысле этого считаются

дети <...> Если не выдали вино, то нужно чем-то заменить... и я то же самое могла бы заменить своему ребенку ее вино, поддержать ее в питании... их вино пошло по неправильному назначению»[96]. Ответ оказался недвусмысленным: «Водка выдается населению не для перепродажи, а для личного потребления взрослому населению. Ремесленникам водка не полагается. Пиво же им выдается потому, что в известной степени является продуктом питания»[97].

В 1943 г. практически всё производство пива было сосредоточено на заводе «Красная Бавария». Пивоваренный завод «Вена» был законсервирован с весны 1943 до мая 1944 г., и главной задачей оставленного на предприятии актива стало сохранение имущества и оборудования от работников «Красной Баварии», рассматривавших предприятие как филиал, и от сотрудников военного продуктового склада, размещенного на заводской территории[98]. Тогда же на «Красную Баварию» был назначен новый руководитель. Им стал бывший директор завода им. Степана Разина Сосулин. Основной проблемой для партийно-хозяйственного руководства завода становится борьба за качество произведенного напитка, хроническая необеспеченность тарой и перебои с поставками ячменя. Последние приводили к простоям варочного и бродильного цехов и порче имеющегося сырья. Так, отчитываясь в августе 1943 г. об итогах работы завода по пищевой группе в первом полугодии, заведующий лабораторией Палладин сетовал на негодность имеющихся дрожжей из-за приостановки варки пива. Отсутствие ячменя приводило к прекращению процесса выращивания солода. Тем не менее утвержденные вышестоящими учреждениями планы предполагали значительные объемы выпускаемого продукта. В результате руководство завода было вынуждено формулировать производственные перспективы, предусматривая перевыполнение производственной программы по цеху безалкогольных напитков с тем, чтобы перекрыть недовыполнение плана по пиву[99]. Летом 1943 г. на заводе разразился скандал, связанный с низким качеством производимого продукта. Жалобы горожан спровоцировали проведение разбирательства, в результате которого было выявлено систематическое нарушение технологического процесса по дображиванию и хранению пива в лагерном подвале. Оно выразилось в недоливе пивом танков при получении пива из бродильного цеха, в несвоевременном оформлении танков — содержание танков с открытыми шпунт-люками. Имели место также случаи, когда при перекачивании из бродильного отделения пива ввиду халатности работников лагерного подвала[100] в отдельные танки попадала вода, которой проталкивалось пиво. Допускалась небрежность при розливе пива, что вызывало потери. Ответчиком пришлось выступать начальнику этого подразделения Федоровой. Обвинялась она в недобросовестности, семейственности, склочности и нежелании прислушиваться к советам главного инженера и главного пивовара, которые в свою очередь самоустранились от контроля за действиями молодого инженера. Постановление партийного бюро завода от 9 июня 1943 г. призвано было устранить проблему и наказать виновных: «1) За грубое нарушение технологичес-

кого процесса по дображиванию и хранению пива, вызвавшего значительное снижение качества пива, что вызвало массовое возмущение населения города, т. Федорову Марию Алексеевну из партии исключить. 2) Принять к сведению заявление директора завода т. Сосулина, что им наложено дисциплинарное взыскание на гл. пивовара т. Лукинова (объявлен строгий выговор). 3) Поставить вопрос перед директором з[аво]да т. Сосулиным: а) принять меры к исправлению пива в обнаруженных 7 танках с недоливом; б) Установить жесткий контроль за соблюдением технологического процесса во всех цехах пивоварения; в) принять срочные меры к поддержанию нужного температурного режима в бродилке; г) произвести ремонт крыши в бродильном отделении и солодовне (до 15 июля); д) привести в порядок канализацию в лагерном подвале; е) обеспечить ремонт транспортной тары к моменту выдачи пива; ж) восстановить цех механической осмолки транспортной тары и т.д.»[101].

Однако и в конце 1943 г. вопрос о качестве производимого продукта поднимался на партийных собраниях «Красной Баварии». Главный инженер завода Берх отмечал: «Пиво имеет балльную оценку довоенного уровня, но по существу оно резко отстает от качества довоенного времени. Качество пива улучшилось за счет повышения производственной культуры и улучшения технологического процесса, но мы имеем очень большие потери, на 2,8% выше довоенного времени и это объясняется плохой дисциплиной»[102]. Себестоимость пива оставалась высокой.

Таким образом, бытование пива в блокадном Ленинграде прошло разные этапы. Не входя в список нормированных продуктов в первые месяцы войны и блокады, пиво тем не менее быстро стало объектом повышенного внимания со стороны горожан, не только сохранивших любовь к хмельному напитку с довоенных времен, но и тех, кто вполне отдавал себе отчет в пищевой ценности продукта и рассматривал возможность его употребления для увеличения питательного рациона. Производственные запасы пива мирного времени позволили руководству города в тяжелейшие месяцы блокады использовать его для поддержания голодающего населения и одновременно сохранить некоторый объем как стратегический запас. Получив возможность для возобновления поставок сырья, необходимого для производства пива, руководство города поддержало инициативу директора крупнейшего в Ленинграде пивоваренного завода «Красная Бавария» восстановить выработку хмельного напитка, обладавшего несомненной пищевой ценностью для истощенных горожан. Это позволило в годы блокады обеспечивать регулярные праздничные выдачи ячменного продукта гражданскому населению и сохранить направленность и традиции одного из старейших пищевых предприятий Ленинграда.

---

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17–01–00346.

2 О ситуации в современной историографии см.: *Соболев Г. Л.* Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 72–87.

3 Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995; Блокада

Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н. Л. Волковского. М.; СПб., 2004; В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД / Сост. Н. А. Ломагин. Изд. 2-е. СПб., 2014.

4 *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада (в двух книгах). М.; СПб., 2002; Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сб. науч. ст. СПб., 2010; *Ковальчук В. М., Чистиков А. Н.* Ленинград и ленинградцы в годы блокады. СПб., 2012; *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013; *Пянкевич В. Л.* «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014; *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 2: июнь 1942 — январь 1943. СПб., 2015; *Твердюкова Е. Д.* «Можно еще покурить...»: Практики табакокурения в блокадном Ленинграде // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы): Материалы междунар. науч. конф., 12–14 марта 2015 г. / Под общ. ред. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веременко. СПб., 2015. С. 161–166; *Гаврилова О. А., Ходяков М. В.* Эволюция карточной системы в блокадном Ленинграде // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного Политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. Т. 2 (227). № 3. С. 193–200; Война и блокада: Сборник памяти В. М. Ковальчука. СПб., 2016; *Соболев Г. Л., Ходяков М. В.* Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 году // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–21; *Гаврилова О. А., Ходяков М. В.* Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 44–67.

5 См., напр.: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 48 — Дневник Георгия Михайловича Кока, начальника планового отдела и главного диспетчера Завода радиотехнических изделий за декабрь 1941 г.

6 *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник (1941–1945). СПб., 2015. С. 38.

7 Там же. С. 45.

8 *Яров С. В.* Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013.

9 Цит. по: *Телицын В. Л.* Первая мировая и первач // Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». 2-е изд. М., 2012. С. 125.

10 Там же. С. 128.

11 *Лившин А. Я.* Наркомовские сто граммов: водка в окопах // Веселие Руси. С. 320.

12 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2а. Д. 192. Л. 7.

13 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 873. Оп. 1. Д. 38. Л. 95–96.

14 Там же. Д. 43. Л. 212.

15 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 3778. Л. 7.

16 Там же. Л. 7–8.

17 Там же. Оп. 2а. Д. 153. Л. 61.

18 Дневник С. Л. Бурьянова находится в личном фонде профессора В. К. Зиборова в РНБ и готовится к публикации в журнале «Новейшая история России».

19 ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 830955/3. Л. 1.

20 Дневник С. Л. Бурьянова. Запись от 19 сентября 1941 г. Цитируется в авторской орфографии.

21 Там же.

22 ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 1. Д. 20. Л. 198.

23 *Берггольц О. Ф.* Блокадный дневник. С. 113.

24 ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 1. Д. 20. Л. 199.

25 См. стенограмму сообщения Власова М. Н. от 30 августа 1945 г.: ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1163. Л. 11 — 11 об.

26 Дневник С. Л. Бурьянова. Запись от 26 сентября 1941 г.

27 Там же. Запись от 3 октября 1941 г.

[28] Там же.
[29] Дневник Юры Рябинкина // Детская книга войны. Дневники 1941–1945. М., 2015. С. 50.
[30] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 484. Л. 2.
[31] Дневник Юры Рябинкина. С. 44–45.
[32] ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 106. Л. 149.
[33] Там же. Ф. 873. Оп. 1. Д. 42. Л. 194.
[34] ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 1. Д. 42. Л. 206.
[35] ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4884. Л. 165.
[36] ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 106. Л. 159.
[37] «...Клюквы дают ведь не каждый день»: разовые выдачи продовольственных товаров в Ленинграде в годы блокады / Вст. ст., публ. и коммент. А. И. Рупасова и А. Н. Чистикова // Война и блокада: Сборник памяти В. М. Ковальчука. СПб., 2016. С. 315.
[38] *Грязнов Ф. А.* Дневник. 7 сентября 1941 г. — 7 февраля 1942 г. // «Доживем ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост.: В. М. Ковальчук (отв. ред.), А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2009. С. 126.
[39] Дневник С. Л. Бурьянова. Запись от 30 ноября 1941 г.
[40] Цит. по: *Пянкевич В. Л.* Очереди в Ленинграде во время Великой Отечественной войны // Война и блокада: Сборник памяти В. М. Ковальчука. СПб., 2016. С. 221.
[41] Там же.
[42] Из фондов Государственного музея обороны и блокады Ленинграда.
[43] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1163. Л. 2.
[44] ЦГА СПб. Ф. 6915. Оп. 10. Д. 2. Л. 1.
[45] Там же. Ф. 7082. Оп. 1. Д. 20. Л. 262.
[46] Там же. Ф. 6915. Оп. 10. Д. 2. Л. 1 об.
[47] ЦГАИПД СПб. Ф. 247. Оп. 2. Д. 2. Л. 31, 34.
[48] Там же. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1163. Л. 4 об.
[49] Там же. Ф. 25. Оп. 2а. Д. 165. Л. 30.
[50] ЦГА СПб. Ф. 6915. Оп. 10. Д. 2. Л. 1 об.
[51] Там же. Л. 16.
[52] *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде / Изд-е 6-е, испр. и доп. Л., 1985. С. 95.
[53] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1163. Л. 22.
[54] Стендер — сливно-наливное устройство для производства погрузочно-разгрузочных операций с жидкими продуктами между резервуарными парками и танкерами.
[55] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 484. Л. 4.
[56] Там же. Ф. 25. Оп. 2а. Д. 165. Л. 30–32.
[57] Там же. Д. 166. Л. 157.
[58] «...Клюквы дают ведь не каждый день». С. 315.
[59] ЦГА СПб. Ф. 5920. Оп. 1. Д. 1. Л. 211.
[60] Там же. Ф. 5379. Оп. 2. Д. 1. Л. 12.
[61] Дневник С. Л. Бурьянова. Запись от 11 октября 1941 г.
[62] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1163. Л. 14.
[63] Там же. Д. 484. Л. 4.
[64] Там же. Д. 1163. Л. 14 об.
[65] Там же. Д. 484. Л. 4.
[66] Там же. Л. 4 об.
[67] Там же.
[68] Там же. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 29. Л. 8 — 8 об.; Д. 30. Л. 6–7.
[69] Там же. Ф. 247. Оп. 2. Д. 9. Л. 29.
[70] Там же. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1163. Л. 22.
[71] Там же. Ф. 247. Оп. 2. Д. 5. Л. 59.
[72] Там же.
[73] Там же. Л. 59.

[74] Там же. Д. 4. Л. 8.
[75] ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 4. Д. 4. Л. 96.
[76] Там же. Ф. 6915. Оп. 10. Д. 2. Л. 15.
[77] ЦГАИПД СПб. Ф. 247. Оп. 2. Д. 4 Л. 20.
[78] Там же.
[79] «...Клюквы дают ведь не каждый день». С. 316.
[80] *Зеленская И. Д.* Дневник. 7 июля 1941 г. — 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...» Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2010. С. 96.
[81] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1163. Л. 22 об.
[82] Там же. Л. 22.
[83] Там же. Ф. 247. Оп. 2. Д. 5. Л. 64.
[84] Там же. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1163. Л. 21.
[85] ЦГА СПб. Ф. 7902. Оп. 2. Д. 18. Л. 28–29.
[86] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1163. Л. 22.
[87] ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 194. Л. 59.
[88] ЦГАИПД СПБ. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1163. Л. 23.
[89] *Назимов И. В.* Дневник // Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 196.
[90] ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 148. Л. 8.
[91] «Отцом Пищи» автор дневника А. Н. Болдырев именовал заведующего отделом торговли И. А. Андреенко, за чьей подписью публиковались списки продуктов, предназначенных к выдаче по карточкам.
[92] *Болдырев А. Н.* Осадная Запись (Блокадный дневник). СПб., 1998. С. 284. — Фотокопия извещения от отдела торговли исполкома Ленгорсовета опубликована на страницах дневника К. Мосолова. Пиво предназначалось к выдаче 25 апреля и нормы были следующие: рабочим, ИТР, служащим — 1,5 л, иждивенцам — 1 л. См.: *Мосолов К.* Дневник // Ленинградцы. Блокадные дневники. С. 467.
[93] Там же. С. 272.
[94] ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 194. Л. 302.
[95] Там же. Л. 301.
[96] Там же. Д. 197. Л. 30.
[97] Там же. Л. 29.
[98] ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 484. Л. 11 об.
[99] Там же. Ф. 247. Оп. 2. Д. 8. Л. 61.
[100] Лагерный подвал (от слова лагер — тип пива) — специальное помещение на пивоваренных заводах, предназначенное для дображивания пива.
[101] ЦГАИПД СПб. Ф. 247. Оп. 2. Д. 9. Л. 48.
[102] Там же. Д. 8. Л. 74.

References

BERGGOLTS O. F. *Blokadnyi dnevnik (1941–1945*). [Siege diary. In Russ.]. St Petersburg: Vita Nova Publ., 2015.

Blokada Leningrada v dokumentah rassekrechennyh arhivov / Pod red. N. L. Volkovskogo. [The siege of Leningrad in documents declassified archives / Ed. by L. Volkovskoy]. Moscow: AST Publ.; St Petersburg: Poligon Publ., 2005.

BOLDYREV A. N. *Osadnaja Zapis' (Blokadnyj dnevnik)*. [Record siege (Siege diary). In Russ.]. St Petersburg: Fond regional'nogo razvitiya Sankt-Peterburga, Evropeiskii Dom, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge publ., 1998.

V tiskah goloda. Blokada Leningrada v dokumentah germanskih specsluzhb i NKVD / Sost. N. A. Lomagin. Izd-e 2-e. [In the grip of hunger. The siege of Leningrad in documents of the German secret services and the NKVD / Comp. N. Lomagin. 2nd ed. In Russ.]. St Petersburg: "Avrora-Dizain" Publ., 2014.

Vojna i blokada: Sbornik pamjati V. M. Koval'chuka / Otv. red. A. N. Chistikov. [The war and the siege: Collection to the memory of V. M. Kovalchuk / Ed. by A. N. Chistikov. In Russ.]. St Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016.

GAVRILOVA O. A., HODJAKOV M. V. *Revoljucija kartochnoj sistemy v blokadnom Leningrad*. [Evolution of the card system in the besieged Leningrad. In Russ.] // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo Politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. 2015. Vol. 2 (227), N 3. P. 193–200.

GAVRILOVA O. A., HODJAKOV M. V. *Izgotovlenie prodovol'stvennyh kartochek v blokadnom Leningrade. 1941–1943 gg*. [Manufacturer of ration cards in the besieged Leningrad. 1941–1943. In Russ.] // Novejshaja istorija Rossii. 2016. N2. P. 44–67.

GRJAZNOV F. A. *Dnevnik. 7 sentjabrja 1941 g. — 7 fevralja 1942 g*. [Diary. 7 September 1941–7 Feb. 1942. In Russ.] // "Dozhivem li my do tishiny?": Zapiski iz blokadnogo Leningrada / Sost. V. M. Koval'chuk (otv. red.), A. I. Rupasov, A. N. Chistikov. St Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2009. P. 9–190.

Dnevnik Jury Rjabinkina [Diary Of Yura Ryabinkin. In Russ.] // Detskaja kniga vojny. Dnevniki 1941–1945. Moscow: "Argumenty i fakty". "AIF. Dobroe serdtse" Publ., 2015. P. 33–64.

Zhizn' i byt blokirovannogo Leningrada: Sb. nauch. st. [The life of the blockaded Leningrad: collection of scientific articles. In Russ.]. St Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2010.

Zhurnal poseshhenij A. A. Zhdanova. 1941–1944 gg. / Otv. red. K. A. Boldovskij. [Journal of visits to Zhdanov. 1941–1944 / Ed. K. A. Boldovsky. In Russ.]. St Petersburg: MOO "Natsional'nyi tsentr sotsial'noi pomoshchi" Publ., 2014.

ZELENSKAJA I. D. *Dnevnik. 7 ijulja 1941 g. — 6 maja 1943 g*. [Diary. 7 Jul 1941 — 6 may. In Russ.] // "Ja ne sdamsja do poslednego..." Zapiski iz blokadnogo Leningrada. St Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2010. P. 10–156.

KOVAL'CHUK V. M., CHISTIKOV A. N. *Leningrad i leningradcy v gody blokady*. [Leningrad and Leningraders during the Siege. In Russ.]. St Petersburg: Liki Rossii Publ., 2012.

"*...Kljukvy dajut ved' ne kazhdyj den'": razovye vydachi prodovol'stvennyh tovarov v Leningrade v gody blokady* ["...The cranberries give it's not every day": a one-time issuance of food products in Leningrad during the siege. In Russ.] / Vst. st., publ. i komment. A. I. Rupasova i A. N. Chistikova // Vojna i blokada: Sbornik pamjati V. M. Koval'chuka. St Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016. P. 311–320.

Leningrad v osade. Sbornik dokumentov o geroicheskoj oborone Leningrada v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1944 [Leningrad under the Siege. A collection of documents about the heroic defense of Leningrad during the great Patriotic war. 1941–1944 / Ed. by A. R. Dzeniskevich. In Russ.]. St Petersburg: Liki Rossii Publ., 1995.

LIVSHIN A. Ja. *Narkomovskie sto grammov: vodka v okopah* [Narkomovskih hundred grams of vodka in the trenches. In Russ.] // Veselie Rusi. XX vek. Gradus novejshej rossijskoj istorii: ot "p'janogo bjudzheta" do "suhogo zakona". 2-e izd. Moscow: Probel-2000 Publ., 2012. P. 295–333.

LOMAGIN N. A. *Neizvestnaja blokada (v dvuh knigah)* [Unknown the Siege (in two books). In Russ.]. Moscow; St Petersburg: "Neva" Publ., 2002.

NAZIMOV I. V. *Dnevnik* [Diary. In Russ.] // Leningradcy. Blokadnye dnevniki iz fondov Gosudarstvennogo memorial'nogo muzeja oborony i blokady Leningrada. St Petersburg: Lenizdat Publ., "Komanda-A" Publ., 2014. P. 127–200.

PAVLOV D. V. *Leningrad v blokade* / Izd-e 6-e, ispr. i dop. [Leningrad in blockade / 6th ed., rev. and enlarg. In Russ.]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1985.

PJANKEVICH V. L. "*Ljudi zhili sluhami": Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada*. ["People living gossip": Informal communicative space of the siege of Leningrad. In Russ.]. St Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2014.

PJANKEVICH V. L. *Ocheredi v Leningrade vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny* [Queues in Leningrad during the great Patriotic war. In Russ.] // Vojna i blokada: Sbornik pamjati V. M. Koval'chuka. St Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2016. P. 210–236.

SOBOLEV G. L. *Blokada Leningrada: postizhenie pravdy* [The siege of Leningrad: the attainment of truth. In Russ.] // Novejshaja istorija Rossii. 2012. N 2. P. 72–87.

SOBOLEV G. L. *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga pervaja: ijun' 1941 — maj 1942*. [Leningrad in the struggle for survival in the siege. Book one: June 1941 — May 1942. In Russ.]. St Petersburg: SPbGU Publ., 2013.

SOBOLEV G. L. *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga vtoraja: ijun' 1942 — janvar' 1943* [Leningrad in the struggle for survival in the blockade. Book two: June 1942 — January 1943. In Russ.]. St Petersburg: SPbGU Publ., 2015.

SOBOLEV G. L., HODJAKOV M. V. *Prodovol'stvennaja komissija Voennogo Soveta Leningradskogo fronta v 1942 godu*. [Food Commission of the Military Council of the Leningrad front in 1942. In Russ.] // Novejshaja istorija Rossii. 2016. N 1. P. 8–21.

TVERDJUKOVA E. D. "*Mozhno eshhe pokurit'...*": *praktiki tabakokurenija v blokadnom Leningrad*. ["You can still smoke...": the practice of Smoking in the siege of Leningrad. In Russ.] // Voennaja istorija Rossii: ljudi i sobytija (k 70-letiju Velikoj Pobedy): Materialy Mezhdunar. nauch. konf., 12–14 marta 2015 g. / Pod obshh. red. prof. V. N. Skvorcova, otv. red. V. A. Veremenko. St Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina Publ., 2015. P. 161–166.

TELICYN V. L. *Pervaja mirovaja i pervach*. [The First World War and moonshine. In Russ.] // Veselie Rusi. XX vek. Gradus novejshej rossijskoj istorii: ot "p'janogo bjudzheta" do "suhogo zakona". 2-e izd. Moscow: Probel-2000 Publ., 2012. P. 122–150.

JAROV S. V. *Blokadnaja jetika. Predstavlenija o morali v Leningrade v 1941–1942 gg*. [Blockade of ethics. Morale in Leningrad in 1941–1942. In Russ.]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2012.

JAROV S. V. *Povsednevnaja zhizn' blokadnogo Leningrada*. [Daily life of the besieged Leningrad. In Russ.]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2013.

Список литературы

Берггольц О. Ф. Блокадный дневник (1941–1945). СПб., 2015.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н. Л. Волковского. М.; СПб., 2004.

Болдырев А. Н. Осадная Запись (Блокадный дневник). СПб., 1998.

В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД / Сост. Н. А. Ломагин. Изд-е 2-е. СПб., 2014.

Война и блокада: Сборник памяти В. М. Ковальчука / Отв. ред. А. Н. Чистиков. СПб., 2016.

Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Эволюция карточной системы в блокадном Ленинграде // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного Политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. Т. 2 (227). № 3. С. 193–200.

Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 44–67.

Грязнов Ф. А. Дневник. 7 сентября 1941 г. — 7 февраля 1942 г. // «Доживем ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В. М. Ковальчук (отв. ред.), А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2009. С. 9–190.

Дневник Юры Рябинкина // Детская книга войны. Дневники 1941–1945. М., 2015. С. 33–64.

Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сб. науч. ст. СПб., 2010.

Журнал посещений А. А. Жданова. 1941–1944 гг. / Отв. ред. К. А. Болдовский. СПб., 2014.

Зеленская И. Д. Дневник. 7 июля 1941 г. — 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...» Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2010. С. 10–156.

Ковальчук В. М., Чистиков А. Н. Ленинград и ленинградцы в годы блокады. СПб., 2012.

«...Клюквы дают ведь не каждый день»: разовые выдачи продовольственных товаров в Ленинграде в годы блокады / Вст. ст., публ. и коммент. А. И. Рупасова и А. Н. Чистикова // Война и блокада: Сборник памяти В. М. Ковальчука. СПб., 2016. С. 311–320.

Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995.

Лившин А. Я. Наркомовские сто граммов: водка в окопах // Веселие Руси. XX. Век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». 2-е изд. М., 2012. С. 295–333.

Ломагин Н. А. Неизвестная блокада (в двух книгах). М.; СПб., 2002.

Назимов И. В. Дневник // Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 127–200.

Павлов Д. В. Ленинград в блокаде / Изд-е 6-е, испр. и доп. Л., 1985.

Пянкевич В. Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014.

Пянкевич В. Л. Очереди в Ленинграде во время Великой Отечественной войны // Война и блокада: Сборник памяти В. М. Ковальчука. СПб., 2016. С. 210–236.

Соболев Г. Л. Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 72–87.

Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 1: июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013.

Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Кн. 2: июнь 1942 — январь 1943. СПб., 2015.

Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 году // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–21.

Твердюкова Е. Д. «Можно еще покурить...»: практики табакокурения в блокадном Ленинграде // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы): Материалы Междунар. науч. конф., 12–14 марта 2015 г. / Под общ. ред. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веременко. СПб., 2015. С. 161–166.

Телицын В. Л. Первая мировая и первач // Веселие Руси. XX. Век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». 2-е изд. М., 2012.

Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2013.

О. А. Гаврилова. «Пиво же им выдается потому, что в известной степени является продуктом питания»: о производстве и потреблении пива в блокадном Ленинграде

В статье раскрывается неизвестная страница истории производства и распределения пива в Ленинграде в годы блокады. Городские власти, вводя в первые дни войны запрет на продажу крепких спиртных напитков, не стали ограничивать продажу пива. Оно оставалось относительно доступным горожанам вплоть до ноября 1941 г., когда было внесено в категорию нормированных продуктов. Пищевая ценность продукта осознавалась населением, использовавшим напиток в том числе для детского питания. Пивоваренные предприятия города с осени 1941 г. пива не производили, занимаясь его хранением, розливом и транспортировкой в торговую сеть. Использование отходов пивоварения, собственных запасов сырья и готового продукта позволило руководителям предприятий поддержать рабочих и минимизировать потери от голода. Возобновить процесс варки напитка удалось только осенью 1942 г. заводу «Красная Бавария», что позволило обеспечить дополнительные продуктовые выдачи городскому населению, обычно приуроченные к государственным праздникам. Существенную проблему для снабжения населения ячменным напитком представляла постоянная необеспеченность производителей тарой. В статье прослежена эволюция отношения власти и населения к такому популярному пищевому продукту, как пиво.

Ключевые слова: Блокада Ленинграда, 1941–1943 гг., пиво, голод, «Красная Бавария», завод им. С. Разина, «Вена», торговля, нормированное снабжение.

O. A. Gavrilova. “Beer is handed out to them, because it is to a certain extent a source of nourishment”: about Production and Consumption of Beer during the Siege of Leningrad

The article reveals the unknown page in the history of the beer production and distribution in Leningrad during the siege. The city authorities, while banning the sale of alcoholic beverages in the first days of the war, did not restrict the sales of beer. Until November 1941, beer was relatively affordable to citizens. Then it was included into the food ration. The population was aware of the nutritional value of beer and used it in baby food as well. With the beginning of the war, the breweries started producing military goods and weapons. In the autumn of 1941 there was no beer made. The already produced beer was only stored, bottled and delivered to the points of sale. The use of the brewery waste, raw material stocks and finished products allowed the managers of the former breweries to support their workers and minimize the human loss caused by hunger. Only in the autumn of 1942, the plant *Red Bavaria* started to brew beer again. That gave citizens an additional source of nourishment. Usually the authorities ordered beer deliveries over public holidays. During the years of the blockade, beer was of low quality. One of the significant problems for the breweries was the continuous shortage of bottles. It was possible to store beer over a long period. This quality was very important and made beer a part of emergency provisions. The article shows an attitude of the state authorities and the citizens to beer, which was very popular at that time, and how this attitude has been changing over the years.

Key words: The Siege / Blockade of Leningrad, 1941–1943, beer, hunger, *Red Bavaria* plant, *Stepan Razin*, *Vienna*, trade, food supply and rationing.

Гаврилова Ольга Александровна — к.и.н., доцент, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.
Gavrilova Olga Aleksandrovna — PhD, associate professor, Institute of history of St. Petersburg State University.
e-mail: o.gavrilova@spbu.ru